

ДАША САМСОНОВА

ДВА ОБЕЩАНИЯ

16+

Даша Самсонова Два Обещания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56100455

SelfPub; 2020

Аннотация

Мир раскололся на части: в одной царит жестокое средневековье, в другой – цивилизация шагнула далеко вперед. Их населяют существа, внешне отличные от людей, но с человеческими душами и сердцами.

Полицейский, выполняя задание, притворяется пациентом психиатрической клиники. Он отчаянно верит, что держит ситуацию под контролем. Происходящие события, кошмарные и трагичные, беспощадно убеждают его в обратном.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

74

Пролог

Гнолл Джипс сидел на крыльце старого форта, подставив лохматую голову ветру. От налетающих порывов у Джипса слезились глаза, но он упрямо смотрел на горизонт, туда, где вечеряющее небо встречалось с озерной гладью. Гнолл наблюдал за беззаботной игрой мальчика на пляже. В воздухе звенел смех маленького Ники. Мальчик убегал от крошечных волн, наверняка представляя, что обожжется, если вода коснется его пяток. От этой картины Джипс сам не заметил, как на его гиеней морде появилась улыбка. В шерсть Джипса серебряными нитями вплелась седина, но он не чувствовал себя стариком. Гноллы медленно стареют, такая у них особенность – жить долго, но для него это стало проклятием. Его воспитанник, весело резвящийся у воды, прогонял все гнетущие мысли. Благословение и спасение – просто знать, что твоя жизнь еще кому-то нужна. Сегодня, впервые за долгое время, Джипс поверил, что отыскал свой дом.

Мир Тизалотопи, приютивший гнолла, два тысячелетия кряду принадлежал депосам. Эти существа отдаленно напоминали людей – являлись прямоходящими и разумными. Их тела покрывала короткая жесткая шерсть, голова, грива и хвост были схожи с лошадиными. Повадки депосы переняли у человеческих предков: общались посредством богатой речи, скрывали наготу за слоями одежды, цивилизованно ели из тарелок с помощью ножа и вилки...

“А еще бросали маленьких детей на произвол судьбы, –

думал Джипс, глядя на Ники. – Жаль, что мне никогда не заменить ему родителей. Я даже не знаю, правильно ли воспитываю его, ведь я гнолл, а жить пареньку предстоит среди своих сородичей”.

Ники был типичным представителем депосской расы. Вороной масти, шерсть угольно-черная, без единой белой отметины. Солнце силуэтом очерчивало его вытянутую мордочку, играло бликами в больших темно-синих глазах. Как у всех депосских детей, гривка Ники еще стояла торчком, не желая опускаться на тонкую шею. Веерок хвоста путался в ногах, когда мальчик, вдруг оставив свое занятие, побежал к крыльцу.

– Ну что, ты вспомнил? Расскажешь мне? – выкрикнул Ники, приземлившись на прогнившие доски возле Джипса. Шорты мальчика были мокрыми от брызг, как и низ футболки. Одежда на маленьком депосе высохнет, не успеет Джипс добраться и до середины истории. Гнолл знал, что сегодня на свою беду задолжал Ники особенную легенду.

– Ты дал мне не так много времени на раздумья, – отмахнулся Джипс.

– Если ты забыл, то наверняка это есть в твоих книгах. Я видел на картинках.

“Нет, Ники. Я соврал тебе, в надежде, что это ты забудешь. Сам я таскаю те знания с собой, точно утопленник камень”.

– Слышал ли ты что-нибудь о людях, Ники? – спросил Джипс, смирившись со своей участью.

Вороной депос не задумывался ни секунды. Воистину, он был хорошим учеником:

– Лысые, с плоским лицом – мои дальние предки, – Ники сдержал смешок. – И... Уродливые еще.

– Насчет последнего пункта я бы поспорил. Мы не должны осуждать других только потому, что их вид для нас непривычен.

Гнолл провел ладонью по своему вытянутому клыкастому лицу, так отличающемуся от лошадиных лиц тех, кто некогда заселил этот мир. А потом бросил взгляд на мальчика. “Но можем и судим, Ники. Надеюсь, тебе никогда не доведется узнать...”

Вороной депос смотрел на Джипса во все глаза, ждал потока слов, которые унесли бы его в другую, лучшую реальность. В тот момент Джипс отчетливо увидел, каким его воспитанник станет, когда вырастет – все так же будет любить слушать сказки.

– Здесь нет людей, – продолжил гнолл, и его сильный голос прогремел над перелесьем и впелся в свист ветра. – Они остались за порталом, в одном из мириады миров, окружающих Тизалотопи, так далеко, что не найти дороги. Если сравнить людской мир с нашим, то они схожи, точно луна и ее отражение в водной глади. Только представь – от гор до низин, ручьев и океанов, дворцов да хибар – все, что на ум придет – принадлежало людям. Ни гноллов тебе, ни депосов. Были только собаки, все равно что твой щеночек Флайк, кошки,

свиньи, лошади – живность, не претендующая на то, чтобы научиться говорить, носить одежды или устраивать войны.

Те времена были темными – людской мир поглотила междоусобица. Никто не мог вспомнить о ее причинах, а тем более вообразить – какая жизнь без войны, когда все вокруг полыхало в огне. В эпицентре непрекращающейся вражды появился на свет один из людей. Его имя было Мерист.

Он рано лишился семьи, родители и братья приняли смерть в бою. Мерист возненавидел войну, но не пошел по их стопам. Ему хватило мудрости заглянуть глубже и понять, что война являлась следствием. Он обвинил во всем людей. Мерист отрекся от рода своего и ушел в горы, где земля еще хранила осколки мира. Единственными его собеседниками стали вольный ветер да дикие кони, что паслись у подножия склона. Мерист никогда не ездил верхом, любил лишь издали наблюдать за порывистым бегом скакунов, только тогда обретая покой. В лошадиных глазах он увидел чистоту. В биении горячих сердец – новое будущее. Меристу казалось, что он отыскал совершенство.

Мерист мечтал создать существо, похожее на человека, с человеческим разумом и сердцем вольной лошади. Одни говорят, что Мерист был наделен Светом – могущественным даром Хранителя менять очертания брэнной оболочки, другие (но мне больше хочется верить первым) – что был он ученым и, посредством экспериментов, создал новую расу существ. Мерист назвал их депосами, что на его языке озна-

чало – разумные кони. Первые творения меристовы мало отличались от тебя, Ники. Они также ходили на двух ногах, свои эмоции выражали движениями ушей, были у них хвост и грива, продолговатые лица, разнообразные окрасы шерсти, именуемые, как и у лошадей – мастями. Их ступни и ладони заканчивались пятью пальцами. Переняв от людей высший разум, депосы легко обучались, могли писать и читать, разговаривать на множестве языков, делать то же, что их предки. Мерист верил, что его творения положат начало новой, лучшей эры, свободной от злобы и войн.

Когда же Мерист представил своих существ людям, те сочли депосов монстрами и выродками. Люди никогда бы не признали на своей земле другую разумную расу, их приговор означал для депосов верную гибель. Много лет Мерист провёл в изгнании. Вместе с депосами он скитался по свету, натываясь на ненависть и отчуждение. Даже руины заброшенных, оставленных после войны домов не могли служить надёжным укрытием. Мерист впал в отчаяние. Каждый день он молил небеса о помощи.

Никто не ведаёт, как долго ему бы пришлось скитаться, но однажды в людской мир заглянула одна из Великих. Она разыскала Мериста и предстала перед ним – существо, не похожее ни на одно из тех, кого он встречал за время своих странствий. Гостья напоминала пятнистого щенка, а передвигалась на двух лапах. Одеждой ей служило яркое платье. На шее она носила синий камень редчайшей красоты.

Девочка из гнолльского рода, поклонившись Меристу, заговорила на человеческом языке.

“Мое имя Линда, и бремя мое – быть Хранительницей Порталов. Ты воззвал о помощи, и я явилась для того, чтобы указать путь тем, кто должен жить”.

Мерист поведал маленькой Линде, что создал совершенную расу, но люди не желают видеть их на своей земле.

“Ты следовал начертанной стезей, – ответила она. – Не сожалею, еще придет время. Я подарю тебе и твоим детям жизнь в другом мире”.

Детской ладошкой Линда дотронулась до амулета. Убежище Мериста озарила вспышка света, такая яркая, что ему пришлось закрыть глаза. Когда же он открыл их, то увидел перед собой силуэт двери, парящей над землей. Внутри прохода плыл серебряный туман. Сквозь его дымку виднелись очертания древнего города, не похожего ни на один из тех, что Мерист мог назвать. Мраморные строения блестели на солнце, на подоконниках и балконах росли цветы. Меристу показалось, что он может различить очертания проезжающих по улице повозок и просторы широких полей. Тогда он впервые увидел другой мир – Тизалотопи. “Местные жители не знают войн, – сказала Меристу маленькая Линда, – они будут рады принять депосов на своей земле”.

Хранительница прикоснулась рукой к синему камню и закрыла портал. Серебряная арка вновь возникла перед Меристом, когда он собрал всех депосов вместе. Во имя спасения

один за другим они вошли в серебряную дверь, ведущую в Тизолотопи. Туда, где они основали свое племя и где сейчас встречаем закат с тобой мы, сидя на крыльце.

Джипс замолчал. В горле у него пересохло. Но причиной был не летний зной и даже не то, что он давно не говорил так долго. Гнолл боялся, что Ники увидит в его взгляде то, чего не должно быть у старика, рассказывающего ребенку сказку. Джипс поднялся с крыльца, ушел в форт, не поднимая на мальчика глаз. А на кухне долго и жадно пил воду, словно она могла смыть горечь, налипшую в горле. Он проклинал себя за то, что сегодня открыл пасть. Джипс затянул свое отсутствие – в древнем, но еще работающем холодильнике гнолл нашел кувшин с лимонадом, засыпал туда кубики льда, а потом принялся медленно разливать напиток по стаканам, втайне надеясь, что Ники устанет ждать и выберет себе занятие получше, чем слушать глупые байки старика. Но когда Джипс вернулся, вороной депос все так же сидел на крыльце, желая во что бы то ни стало узнать истину.

– Ты обещал мне рассказ о гноллах! – Большие уши мальчика были загнуты назад.

– О гноллах? А маленькая Линда, по-твоему, кто?

– Я хотел узнать о тебе!

Джипс улыбнулся (любому депосу, кроме Ники, эта улыбка напомнила бы звериный оскал). Он протянул мальчику стакан.

– Про Великого Мериста все знают, – продолжил Ники. –

Про то, как он создал нас и привел в этот мир. Но никто и никогда не говорил мне о таких, как ты. Расскажи мне! Я не начну болтать. Да и если бы захотел – они решат, что я ку-ку. Они не поверят в тебя, даже если ты встанешь перед ними. Словно ты...

– Пришелец? Монстр?

– Нет! Да... Но для меня ты не такой!

Джипс потрепал мальчика по голове.

– Я знаю, Ники, я все знаю. Гноллы жили в этом же мире, куда Линда привела Мериста и первых депосов. Тизалотопи испокон веков являлся для моих сородичей домом, гноллы были его древнейшими обитателями. Как же описать тебе их еще нагляднее? Я похож на пса, нацепившего одежду? Скорее медведя? Только в те времена мои предки не носили рубашек и джинсов и, разумеется, были стройнее (воронье паренки не таскают им из деревни сладости, но это не камень в твой огород). У молодых гноллов шерсть окрашена ярче, у старых – точно пылью присыпана, только полюбуйся! Острые клыки в пасти – для твердой пищи. Вопреки мифам о кровожадных чудищах, к которым моих предков нередко причисляют, гноллы не знали злобы и не предавались звериным инстинктам. Вера являлась основой их жизни, древние традиции – священными правилами, в которых не было места ненависти. Многие из гноллов в те времена обладали Светом – даром, с помощью которого они могли исцелять тяжелобольных, читать мысли, предсказывать будущее.

По легенде, одна гнольская девочка обладала Светом великой силы. Боги избрали ее и нарекли Хранительницей Порталов. С помощью священного синего камня Линда открывала двери между мирами. Она была доброй и милосердной, всегда приходила на помощь к тем, кто звал ее, так же как однажды пришла к Меристу. Бремя Хранительницы оберегало Линду от течения времени. Она была заключена в тело ребенка, но свою мудрость переняла от Великих, и гноллы почитали ее. Мои предки находились под опекой и защитой Линды несколько тысячелетий. Когда Хранительница привела в мир Тизалотопи депосов, гноллы приняли конелюдей как желанных гостей, поделили с ними кров и еду, скот и плодородные земли. Мои предки передали Меристу дар долголетия, чтобы он мог жить, не зная старости и болезней, и приглядывать за своими творениями.

Помимо гноллов и депосов в мире Тизалотопи обитали и другие разумные существа – анубастцы. Они походили на диких кошек: глаза с вытянутыми зрачками, густая шерсть, чаще всего рыжая, варьирующаяся разными отметинами – полосами или пятнами. Над разумом анубастцев, в отличие от гноллов, брали верх звериные инстинкты. Разговоры между этими тварями частенько переходили в драку – оскалившись и выпустив когти, анубастцы бросались друг на друга, меряясь силой и свирепостью. Что касается проявления чувств, то лучше всяких слов эти существа выражали недовольство ревом, а радость – утробными звуками, как мурлы-

кают кошки. Умывались анубастцы, вылизывая себя; ловили птиц, взбираясь на деревья. Иногда воровали у соседей скот или устраивали потасовки. Хватило бы искры, чтобы превратить их пылкий нрав в пламя. Но анубастцам удалось ужиться с гноллами, ибо те обладали терпимостью. С депосами у кошек завязались не самые теплые отношения. Но анубастцы не смели нарушить закон перемирия, царящий в Тизалотопи.

Так минули тысячелетия тесного соседства трех рас. Мерист с гордостью взирал на созданных им существ, ему казалось, что он воплотил свою мечту в жизнь. Кони-люди объединялись в семьи, заводили детей, старились и умирали, но неизменно передавали потомкам свои черты. Численность депосов стремительно росла. Их было не больше сотни, когда они переступили порог нового мира, теперь эта сотня превратилась в тысячи. Депосы осваивали просторы Тизалотопи, позабыв о том, как явились сюда гостями.

Когда буря грянула над нерушимым миром, ни Мерист, ни Линда ничего не сумели сделать. Сплотившись, депосы напали на анубастцев. Они задались целью изгнать ненавистных существ с земель, которые посчитали своими. У депосов появился новый лидер – Мортхаген, чистый по крови, от предков накопивший ненависть к анубастцам. Его план был избавить Тизалотопи от рас, которые он провозгласил низшими. Мортхаген покусился и на владения гноллов, но мои предки не желали поднимать перед захватчиками оружие.

Линда, Хранительница Порталов, маленькая гноллиха, наделенная великой силой, лишь печально взирала на хаос, царящий в Тизалотопи. Мир, который был создан, чтобы существовать без вражды, был залит кровью. Сердце Мериста разрывалось от мысли, что из-за него гибнут невинные создания. “Я не сумел изменить в депосах человеческой сути, – осознал Мерист, – то, чего я всеми силами пытался избежать, мои творения принесли с собой”. Еще не лишенный надежды, он пал на колени перед Мортхагеном и просил пощадить тех, кто остался. Мортхаген, хотя душа его была наполнена тьмой, услышал мольбы Мериста и предложил ему сделку. Он обещал отозвать свои войска и сохранить жизни существам “презренной расы”, если Мерист отречется от престола и уйдет в изгнание вместе с теми, кого депосы не желают видеть на своей земле.

“Мы даем вам три дня, – говорил Мортхаген, – три дня мои воины не станут трогать низших тварей, чтобы низшие твари ушли туда, где им место – на Земли болот”. Землями болот (на гнольском – Атанострон) называлась восточная часть Тизалотопи. Она была проклята, поэтому и не заселена. Там не росла трава, почва была неплодородной, в лесах водились ядовитые змеи, холодные дожди беспощадно заливали пустоши. Но Атанострон стал единственной надеждой на спасение. Когда существа, обреченные Мортхагеном на гибель, покинули свой дом, Линда сотворила последнее чудо. Она оградаила Атанострон от Тизалотопи, сделав их от-

дельными мирами, чтобы армия Мортхагена не сумела отыскать изгнанников. Что касается Мериста – человека, создавшего новую расу и владеющего даром долголетия – не дав добраться до спасительных земель, его настигла смерть. Он отстал от отряда по дороге в Атанострон, и дикие звери растерзали его. Так погиб Мерист, отец конелюдей.

Мортхаген сдержал слово, позволив гноллам с анубастцами спастись. Он стал первым тираном этого мира и правил до конца своих дней. Его сменил наследник, потом другой. Прошло много лет, депосы продолжают жить в Тизалотопи, даже не подозревая, что совсем рядом есть другой мир с существами, которых их предки когда-то изгнали. Но никакие дороги туда не ведут, кроме портала, который Линда больше не откроет. Добравшись до Атанострона, она отреклась от своего дара, передав его другому. От нее остались слова, высеченные на камне у подножия священного вулкана, о том, что когда-нибудь горы коснутся небес и придет существо от враждующих рас, а два мира вновь станут едины.

Солнце за время рассказа гнолла начало клониться к закату. Ночи в пригороде Одары, жалкой части могучего и огромного Тизалотопи, всегда были холодными. Джипс широко зевнул, распахнув клыкастую пасть, и обернулся к Ники. Мальчик смотрел на него с недоумением в больших глазах.

– Та история, которую рассказывали воспитатели, отличалась, – произнес Ники. – Мерист привел в Тизалотопи депо-

сов, но там не было других существ. Мы никого не прогоняли.

Джипс усмехнулся.

– Это же легенда – каждый передает ее по-своему, тебе решать, кому верить.

Ники, кажется, свой выбор сделал.

– Все гноллы ушли в Атанострон. А ты? Ты до сих пор здесь.

– Я задержался для того, чтобы развлекать одного маленького депоса.

Ники засмеялся:

– Врешь! Ты был здесь до меня.

Медленно, но неумолимо сумрак охватывал форт и стену леса. Ники было пора возвращаться. Джипс не посмел бы показаться на глаза депосам, что уж говорить о том, чтобы усыновить мальчика. “Его место среди подобных”, – повторял он, точно клятву. Хотя знал: даже тем малым временем, проведенным вместе с Ники, и своими историями, особенно той, что поведал сегодня, давно ее нарушил.

– Я провожу тебя, – сказал Джипс. И они пошли вдвоем, отдаляясь от форта, по тропинке через лес, к пригороду Одары. Именно там располагался приют. Родители Ники отказались от него еще в младенчестве, в детском доме мальчик был предоставлен сам себе. Кто мог знать, что с парнишкой стало бы, не отыщи он волей случая заброшенный форт. С тех пор вороной депос возвращался, когда чувствовал себя

одиноким, принося тепло в сердце Джипса. Поэтому так тяжело давалось каждое расставание. Когда настало время расстаться, Ники произнес, словно читая его мысли:

– Ты мой лучший друг, Жи. Но все равно жаль, что ты остался один среди нас.

– Я не единственный чужак в этом мире, есть еще. Некоторые научились прятаться, другим повезло меньше. Иди, а то тебя потеряют из-за меня.

Ники послушался его. Помахав рукой, мальчик стал вприпрыжку спускаться с холма. Джипс смотрел ему вслед. Гнолл не мог знать, каким будет путь вороного депоса, и суждено ли им быть вместе спустя годы. Но одно ему было известно наверняка – этого мальчика ждет удивительная судьба.

– Я люблю тебя, Ники, как гнолл может любить собственного сына, и буду рядом, независимо от выбора, который тебе суждено сделать, – прошептал Джипс вороному депосу вслед.

Глава 1

Пятнадцать лет спустя

Она все еще была рядом. Говорила, что делать.

“Бей, и мы встретимся”, – донесся до него едва слышимый шепот.

Когда произошла та безумная авария с участием Николаса, Рассел Лэйон, депос соловой масти, тайлся в стороне. Но все равно Рассела мучил обретенный за годы службы инстинкт, твердивший о долге находиться рядом, ведь Николай – его напарник. В этот раз соловому депосу оставалось только наблюдать: вот с пересекшего дорогу перекрестка выскочил ржаво-медный пикап, боднул широким бампером бочину седана – точно посередине – в стык пассажирской и водительской двери. На фоне пикапа Николаса автомобиль преступника показался крошечным, а потом исчез, сметенный медным вихрем на обочину, в кювет, где никому не скрыться от закона.

Патрульные успели ударить по тормозам, бело-синие шушлайки издали скрежет и замерли перемигивающимся стадом. От такой остановки Рассела едва не припечатало носом в бардачок, спас ремень, стянув плечо так, что казалось – оно вот-вот лопнет. Рассел мысленно выругался, его глаза вглядывались в дым, поднимающийся от дороги призрачным следом.

До того как пикап Николаса на манер черта из табакерки возник словно из воздуха, Рассел Лэйон и его сослуживцы вот уже час преследовали баклажанового цвета седан. Водитель седана был застукан за магазинной кражей. Что именно стало трофеем вора, диспетчером не сообщалось, Рассел проработал достаточно лет в полиции, чтобы знать – этим могло оказаться что угодно – начиная от электроники, кото-

рую легко реализовать в гетто, – до комичного: пачки жвачки с кроссовкой без пары – кража ради кражи. Вооруженный вор (от 18 до 35 лет, пегий, одет в футболку и джинсы), причинил телесный вред охраннику и покинул место преступления на своем автомобиле. Баклажановый седан только на вид казался разваливающимся корытом, под его ржавым капотом был такой мотор, что прибывшей полиции оставалось давить на газ до упора, всеми силами пытаясь не отстать.

На часах замер полдень. Свободная от пробок автострада превратилась в прекрасную трассу для демонстрации мощности. Редкие машины, издали вспугнутые сиренами полицейских, торопливо отступали на правую полосу, расчистив преступнику путь. Тот уже выжал из седана двести километров – на такое патрульные автомобили были не способны, все в участке знали, что сотня – их фантастический предел. Диспетчер велел продолжать преследование, и Рассел давил на педаль, приписывая силуэт, переливающийся в мареве, к своему личному провалу. Другие сказали бы, что давно пора смириться: даже если чудом им вдруг удастся припереть преступника к стенке – все тщетно. Их мельтешение – капля в океане. В таком месте, как город Одара, привыкай оказываться в числе проигравших. Светлый, добрый герой, вставший на сторону справедливости – неумолимо ты будешь утоплен в криминальной пучине, захлебнешься, потому что она – больше и грандиознее тебя.

Рассел переехал в Одара, когда она уже полвека как объ-

явила себя муниципальным банкротом, утвердившись в первой строчке самых неблагополучных городов Викории. Жители, побросав свои обесценившиеся дома, разъехались в поисках будущего и другой, безопасной жизни. Теперь вместо перезвона молотков и рева пил на одарских фабриках по-свистывал ветер, ярче фонарей зажглись костры бездомных, пегое гетто разрасталось, вместе с ним крепла чужестранная власть Элиранда – основателя “Белых Полей” – империи наркобизнеса, опухолью пожирающей города изнутри. Самого Элиранда не было в живых, но в притонах и на мостовых все еще гулял его жестокий призрак. Вооруженный вор с сотней лошадей под капотом развалюхи являлся малой частью того беспредела, с которым Рассел сталкивался на службе изо дня в день.

Рассел Лэйон представлял собой депоса редкой масти – тело золотистого цвета, грива и хвост отливали белизной. На его шерсти выделялись крупные “яблоки” – отметины, считавшиеся атрибутом аристократии. (У Рассела они находились в тех местах, которые в цивилизованном обществе было принято скрывать под одеждой. В последнее время восхищаться ими стало некому.) Расселу исполнилось тридцать семь лет, пятнадцать из которых он отдал одарской полиции. Не так много, чтобы просыпаться в кошмарах, но достаточный срок для продвижения по службе. Правда, с Расселом происходило в точности до наоборот: повышать его никто не собирался, а омерзительные сны посещали все чаще. В них

не было найденных в реке раздутых тел, от вида которых он дольше обычного не мог прийти в себя, или мертвых детей. Сны относились к работе лишь тем, что там, как и в жизни, главную роль играл его напарник. Теперь, конечно, бывший напарник. Но даже с уходом Николаса из полиции ничего не менялось.

Рассел был уверен – эта ночь пойдет по привычному сценарию, только к дрянным сновидениям прибавится головная боль от рева сирен, доносящихся истеричными выкриками со всех четырех сторон света. Рассел благодарил судьбу в лице Дженны, начальницы четвертого участка, что у доставшейся ему служебной машины не работала сирена. Она уже месяц как была сломана, и, судя по ветхому состоянию прочего имущества, чинить ее никто не собирался.

– Если не догоним, то хотя бы доведем до помешательства, – вдруг ожил Морис – пегий старик, который был назначен Расселу в напарники вместо Николаса. Морис вел себя тихо, и Рассел напрочь забыл о его присутствии, а теперь боковым зрением уловил, как тот опрокинул спинку кресла, заложив руки за голову. В салоне пахло спиртным, вряд ли причиной тому был въевшийся душок арестантов-пьяниц. Рассел чувствовал мыском туфли глубину пола, ему удалось сделать почти невозможное – разогнать рухлядь до ста двадцати, еще немного – и может быть, он начнет дышать преступнику в хвост, что ему стоит подрезать... Какой же это идиотизм: всем гудящим стадом гнать одну чертову колыма-

гу!

– Расслабься, а то надулся, как на унитазах, – Морис хлопнул Рассела по плечу, отчего соловый депос вздрогнул и весь сжался. – Тебе за ним не угнаться, хоть из кожи вылез. Машина у злодея еще та – резвее за свою жизнь не видел. Вот до чего развилась техника. Смотри, взял пятый выход, к поселкам. Хочет выбраться за город, а там, в полях, на наших жестянках его ищи-свищи.

– Нет, нам только на руку: в предместьях есть перекрестки. Можно взять его в кольцо, – озвучил свои мысли Рассел.

– Во, разошелся! Машин у нас для таких финтов нет.

– Если мы разделимся, двух вполне хватит, перекроем движение. Подмога была бы кстати. Свяжись с диспетчером! Эй, ты меня слышишь?

Морис даже не думал шевелиться, только скрипуче загоготал. Рассел, надеясь, что сумеет удержать дребезжащий руль одной рукой, потянулся к рации, но потом замер, ладонь зависла в воздухе. Общеизвестный факт: что бы он ни предложил – его не послушают. В участке он давно утвердился в роли главного ничтожества, которое, сколько бы ни прошло лет, будут затыкать, учить, а еще лучше – смеяться над ним. Пьяница Морис красноречивее любых слов напоминал об этом. Рассела бросило в дрожь и ярость одновременно. Но он задушил порыв в себе, снаружи оставаясь непоколебимым.

– Сразу видно, чей ты напарник, – сказал Морис. – Пого-

ди, Ник вернется, тогда и будете устраивать произвол, разбрасываясь казенными машинами посреди дороги. Я, бра-тишка, пас геройствовать, мне до пенсии год остался.

Морис достал из-под полы фляжку, отхлебнул глоток:

– Эй, раз уж тебя ко мне приклеили, пойдешь потом в кабак, опрокинем по стаканчику? Мы с ребятами тебе не ровня, но разок-другой можно было бы и с нами сходить. Не напьешься, так покушаешь, судя по размеру твоих штанов – это ты точно любишь.

В заднем зеркале Рассел видел, как отстают машины сослуживцев. Он уже в красках представлял, как Морис растреплет о его сегодняшней выходке новобранцам за кружкой пива в баре, попутно пародируя его говор и переваливающуюся походку. Все для того, чтобы каждый полицейский в участке усвоил – мнение толстяка и зануды Расса ничего не значит. Вот если бы перекрыть дорогу предложил его напарник (не стоит забывать – теперь бывший напарник), Николасу бы вняли с открытыми ртами. Ведь он – главное светило одарской полиции, великий Герой-полицейский. Плевали они на рedeющее количество исправных машин и приказы, когда выпадает шанс стать жалкой частью его славы. Сослуживцы завидовали Расселу, который находился с воронным депосом постоянно. Но они понятия не имели, что такое быть напарником Николаса Патнера.

Морис наклонился, глянув на спидометр, его хохот тут же смолк:

– Ничего себе! Ты сбавь лучше, а то взлетим и взорвемся. Бесплезное дело – там дальше пустые дороги, злодей погонит свою малышку во весь опор...

“...А мы будем висеть у него на хвосте, пока тот не доберется до границы области, чтобы стать заботой других полицейских”, – мысленно закончил за него Рассел. Внезапно инструкции диспетчера сложились в четкую картинку. Но в этот раз соловый депос попробовал принять очередной провал со смирением, внушить себе, что ему все равно – задержат они преступника или нет. Зря трепал нервы, ему стоило наплевать на исход погони, когда он только сел в машину. Вот поэтому его судьба до скончания века сидеть на нагретом месте. Если бы он, как и Николас, искренне поверил, что ему удастся очистить мир от зла... Все! Довольно! Что сегодня на него нашло? Какого черта он вспоминает своего бывшего напарника так часто? Сны снами, но в реальности Николаса не было рядом с тех пор, как погибла Лейн – его возлюбленная. После ее смерти вороного депоса словно подменили. Он перестал появляться на работе, взял бессрочный отпуск, не отвечал даже на телефонные звонки. Прошло два месяца с тех пор, как Николаса видели в последний раз. В полиции гуляли разные слухи. Одни говорили, что Герой-полицейский покинул Одару, уехал в место получше, где зарплата у такого гения будет достойнее. Другие, а этих дураков хватало – пропал без вести, нашел свою смерть, попавшись в лапы отсидевших наркоторговцев, которых Николас

с легкой руки сажал за решетку. Для Рассела напарник просто исчез. Словно он никогда не знал ни его, ни блохастой одноглазой псины, которую Николас всегда таскал с собой, как полицейский жетон. Не было и этих бесконечно-долгих лет на службе, плечом к плечу в одной машине, ни теперь мертвой малышки Лейн... Все это, как страшный сон, осталось в прошлом. А сейчас у Рассела есть чистый лист, другой напарник и возможность начать жизнь заново. Вывести своей рукой первые строчки без чужих нареканий. Они звучали бы примерно так: “Мы преследовали седан баклажанового цвета. Ни я, ни Морис не ослушались приказа. Потому что я – не Николас, я – не герой. Но я сделал все, что от меня зависело, пусть седан мы упустили”.

Рассел Лэйон вздрогнул. Его размышления прервал скрежет. Он раздался в воздухе громче воя сирен и вопля Мориса, голоса диспетчера, скрипа тормозов. За секунду до этого все, что Рассел успел разглядеть, – как с перекрестка на дорогу выскочил пикап медно-коричневого цвета. Его массивный бампер протаранил баклажановый бок, сметая автомобиль преступника с дороги.

Весь мир охватил дым, пыль и тишина. Что-то крикнула рация. Через секунду слышались хлопки дверей – полицейские, покинув автомобили, бросились к обочине. Гонщик-преступник при всем желании не смог бы сбежать, он был зажат между подушкой безопасности и креслом, не слышал приказов и не замечал наведенного на него оружия,

только круглыми от ужаса глазами впился в огромный медный пикап, замерший в нескольких метрах. Столкновение оставило вмятину на проржавевшем бампере, лобовое стекло обвили паутинки трещин. Полицейские медлили, с волнением ожидая, когда же появится виновник торжества. Они узнали водителя, как только пикап показался из-за перекрестка. А Рассел – еще раньше. У солового депоса возникло предчувствие. Четыре года совместной службы сделали свое – он предвидел, что его напарник объявится именно сегодня, как птицы предвещают бурю.

Водитель пикапа был цел и невредим, чего и следовало ожидать. Вот только по его лбу из-под челки редких волос змеилась струйка крови. Она становилась заметной, оставив карминовый след на белоснежном вороте рубашки, а на фоне беспросветно-черной шерсти кровь исчезала, как глупый мираж, чтобы никому не пришло в голову – этот безумец смертный, а сейчас разбил о баранку свой чертов лоб, потому что никогда, даже на полном ходу тараня седан, не удусуживался пристегнуться. Но для Николаса это ерунда. Так же неощутимо, как прихлопнуть на лбу комара.

С театральным тщеславием Николай выпрыгнул из пикапа на землю. Свет полицейских мигалок очертил высокую фигуру. Николай жмурился, окруженный толпой.

“Откуда ты, черт подери, взялся?” – “Как ты узнал?” – “Ну и безумец, Дженна тебя убьет!” – доносились голоса полицейских. Они обступили вороного депоса, в тот момент на-

поминая падальщиков-репортеров.

О воре-гонщике тут же забыли. Рутину проводить его до полицейской машины быстро перевалили на двух новичков. Новобранцы, заковывая задержанного в наручники, издали тарасились на полицейского, о котором столько слышали из рассказов и городских легенд. Николас был словно ходячий луч прожектора. Все как мухи летели к нему, не замечая, что сами не отбрасывают тени. Но когда эти лучи коснулись Рассела Лэйона, он обжегся.

– У тебя кровь. Ты в порядке? – выдавил из себя соловый депос. Он стоял в стороне и заговорил только когда Николас приблизился к нему. Черт бы побрал эту сентиментальность, так не идущую к лицу прославленного полицейского – Николас готов был задушить Рассела в объятиях. Упоминание о собственном виде мигом вернуло вороного депоса в реальность. Он замер, бросив всю энергию на то, чтобы стереть кровь, но только размазал ее по лицу большими ладонями.

– Ты помнишь, бывало и хуже, напарник, – весело отмахнулся Николас.

– Дженна знает, что ты здесь? Или ты опять сделал ей сюрприз?

Ответом Николаса стала улыбка мальчишки. С точно таким же выражением лица он представал перед Расселом во сне. Там они патрулировали улицы, с той лишь разницей, что соловый депос находился на заднем сиденье, где обычно вертелся Флайк – пес Николаса. В этих снах напарник обращал-

ся к Расселу в точности как к своей собаке: “Место, мальчик! Хороший мальчик! Место! Место, я тебе сказал!” Сослуживцы поворачивали головы, когда эти двое заходили в офис, а под их взглядами Рассел действительно чувствовал себя псом Николаса, блохастой дворнягой, которой приказывают сидеть и лежать, в награду за заслуги угощают печеньем. Которая будет так же покорно вертеться в ногах вороного полицейского, когда того повысят до шефа участка и он займет место Дженны. Всегда в ногах, вечно брешущая на команду “Голос!”, виляющая хвостом, когда ее гладят по шерсти... Глупая тварь! И Рассел был глупой тварью в этих снах. Да и не только в снах, думал он, просыпаясь и радуясь одному – Николас исчез, скорбь придушила его как жалкого птенчика.

Прошлой ночью Рассела посетило все то же виденье. Может, это было знаком свыше, предсказанием: его блистательный напарник вернется. Выскочит в пикапе из-за поворота и, как всегда, став героем, покарает зло. Возникнет перед Расселом с таким самоуверенным видом, будто ничего не было и это не он, Николас Патнер, два месяца назад похоронил любимую женщину, а потом пропал. Никаких лопнувших сосудов в глазах или мертвенно-бледной усталости. И все же, когда последний мусор с аварии был убран, гонщика увезли в участок, а его резвого коня погрузили на эвакуатор и вороной депос сел вместе с Расселом в машину, как это было всегда (только на этот раз на пассажирское кресло) – Рассел

заметил россыпь белой шерсти на шее напарника, появившуюся там, где ее не должно быть. Николас в одно мгновение стал выглядеть измученным, его глаза утратили блеск, и никакая маска, которую он так старательно демонстрировал окружающим, не могла этого скрыть.

До участка они ехали молча. Когда патрульная машина покидала место аварии, Николас обернулся на отдаляющийся силуэт пикапа. Глядя на помятый бампер, змейку трещин, извивающуюся на лобовом стекле, они с Расселом подумали об одном и том же: сколько силы не хватило удару, чтобы водитель пикапа был бы мертв? От таких мыслей Расселу стало не по себе. Но он позволил взбесившейся фантазии дорисовать эту картину до конца.

Глава 2

Николасу Патнеру, депосу вороной без единой отметины масти, было всего двадцать пять лет, когда его имя узнал весь город. Николас переехал в Одару из богом забытого поселка, полицейская академия, закрыв глаза на беспородное происхождение, решила дать пареньку шанс. Тут было не до выбора – больше, чем в ком-либо другом, Одара нуждалась в полицейских, а Николас как раз намеревался стать лучшим из них.

Если верить городским байкам, сделавшим вороного депоса чуть ли не фольклорным персонажем, начало его бли-

стательной карьеры положил ржавый пикап. Свой первый и единственный автомобиль Николас выкупил со свалки. У пикапа затуманились фары, проржавело днище, на ходу он гремел и скрипел, собирая косые взгляды и насмешки. Но именно в его поеденный молью салон Николас посадил трех голосующих на трассе мужчин, ночью, семь лет назад. Их лица не раз мелькали в полицейской картотеке, они являлись наркоторгговцами, на одном из их шайки “висело” убийство. Николасу повезло – улицы охватила темень, в Одаре трое были проездом и не знали города. Вид худого паренька за рулем огромного пикапа не вселил в них подозрений. Николас, перепуганный до смерти (как не раз признавался в этом), настроив радио на волну блюза, довез теснящихся на заднем сидении бандитов до полицейского участка. Они не успели ничего понять, как оказались запертыми в машине, а сам водитель со всех ног помчался за подмогой.

“Банду вооруженных наркоторговцев задержал курсант”, – гласил заголовок первой статьи, в которой прозвучало имя Николаса Патнера. Потом он устал объяснять сослуживцам – тот случай был чистой воды везением, и то, что он специально крутился в злачном районе, карауля бандитов, насочиняли журналисты, впоследствии обожающие приукрашивать все, что с ним было связано.

Те дилеры-недоумки были сравнительно мелкой рыбешкой, но они подарили Николасу место в одном из лучших участков Одары, где тот тут же дал о себе знать. Сослужив-

цы привыкли к его образу – коротающему ночи если не у компьютера, то в полицейской машине или пикапе в бессонном патруле. В пятницу, когда принято было отправляться по барам, Николас не отставал от компании. Но, даже опьяневший, он всматривался в толпу, пытаясь отыскать знакомые из картотеки лица, всегда готовый действовать.

Не прошло и четырех лет, как вороной депос навел полицию на след самого Тобиаса Элиранда – лидера мафиозной группировки, наводнившей Одару с момента упадка. До того как за дело взялся Николас, Тобиас оставался неуловимым. Об этом, конечно же, не забыли упомянуть газеты, а узнав, что это все тот же курсант, разошлись не на шутку. Николаса даже пригласили ответить на дурацкие вопросы в телевизионной передаче: “Не наделены ли вы экстрасенсорными способностями?”; “Что он предпочитает есть на завтрак, чтобы оставаться в такой прекрасной форме?” (А Флайка, его верного четвероногого компаньона, сделали лицом компании, производящей сухой корм для собак. Теперь всякий раз, когда наступало время трапезничать, пес мог лицезреть свой портрет, горделиво смотревший с коробки с надписью “Выбор Сержанта Флайка”.)

Когда в других городах безостановочно твердили о телезвездах и политиках, криминальная Одара избрала своим героем полицейского. Николасу пришлось предпринять некоторые усилия, чтобы его слава не распространялась дальше стен участка. Лишившись доступа к служебным де-

лам, падальщики тут же перебросились на личную жизнь, которая, в отличие от его карьеры, была бурной только первое время. Все чаще Николаса стали замечать в обществе одной девушки. Ее звали Лейн. По слухам она принадлежала к тайному клану породистых депосов. Его приверженцы, помимо богатства и родословной, происходящей от самого Мортхагена – первого правителя свободного Тизалотопи – обладали большой властью. Их осталось немного. История не помнила случая, чтобы кто-то из аристократов вступал в связь с беспородным депосом, пусть даже прославленным полицейским. По тем же сплетням избраннице Николаса пришлось сменить имя. На вопросы журналистов о своем происхождении Лейн не уставала делать круглые глаза и повторять, что сама она родом из маленького городка и понятия не имеет, почему ее, простую девушку из бедной семьи, приписывают к сливкам общества. (Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно было хоть раз взглянуть на нее. Лейн мигом выдавало свойственное породистым депосам вогнутое лицо – “щучий профиль”, уши с заостренными кончиками и особая манера держаться.)

Сам Николас, если бы нарушил табу, наложенное на любые сведения, касающиеся его личной жизни, сказал бы, что Лейн стала первой девушкой, которую он полюбил. Она, как и слава полицейского, ворвалась в его судьбу незваной, яростным вихрем сломав все засовы и двери. Воспоминания об их первой встрече веяли смрадом подвала. Ему за-

вязали глаза. Единственное, что он видел на фоне мрака – как мушки света пускались в пляс от новых ударов. Николаса его же собственными наручниками приковали к батарее. Язык не поворачивался назвать его мучителей депосами – стоило узнать о тех страшных преступлениях, которые они совершили. Николас долго шел по их следу, он был уверен, что ему удастся посадить этих тварей за решетку. Вот только удача, всегда сопутствующая полицейскому, в тот день бросила своего подопечного на бетонном полу подвала, во власти убийц, мокрого от крови и пота. Николас смирился с исходом этой истории. Да что там смирился, он молился, чтобы все поскорее закончилось, а в тоннеле забрезжил свет. Ждать ему оставалось недолго... если бы не девушка, словно возникшая из бредовых видений. Лейн спасла его тогда, выудила, как тонущего котенка из реки, из самой страшной передрыги, в которую ему доводилось попасть. Вороной депос помнил, как впервые увидел буланую девушку по пути в госпиталь, когда с него, еле живого, сняли повязку и Лейн предстала перед ним, овеянная светом и прекрасная. “Не думал, что встречу ангела так скоро”, – прошептал ей он, перед тем как потерять сознание.

Об ужасном событии, что свело их вместе, Николас и Лейн пообещали не вспоминать. Они придумали, будто познакомились на круизном лайнере. Николас пригласил Лейн на танец, после чего они всю ночь простояли на палубе, глядя, как в темных водах отражаются звезды. И не было ника-

ких подвалов и раненого паренька в полицейской форме. Это так, плохой сон, который по совпадению им одновременно приснился. Не стоит о нем думать, а говорить тем более.

После смерти Лейн Николас неоднократно вспоминал о событиях, связанных с заточением. Не столько об издевательствах или невероятном спасении из плена. Он думал о самом чувстве, постигшем его в ту бесконечную ночь. Именно тогда вороной депос заглянул в глаза смерти, принял факт, что всему, чего он добился, что было у него, билось в нем и дышало, пришел конец. Кто бы мог подумать, что спустя два года все вернется. И он – полностью здоровый физически, будет не лучше себя в том подвале – раненого и мечтающего о глотке воды, засыпая в луже собственной крови. Пускай снаружи Николас был свободен, мог дышать, разговаривать, улыбаться... А еще таранить на пикапе машину преступника.

В омут раздумий о своей полицейской карьере и Лейн, прошлом, которое до сих пор виделось вчерашним днем, Николас погрузился по дороге в участок. Час назад он разбил свой пикап. В правой ноге до сих пор застыло ощущение вдавленной в пол педали, когда на скорости сто километров в час он сокращал расстояние до баклажанового бока седана. Покореженные машины забрал эвакуатор. Николаса, целого и невредимого, не считая разбитого лба, увез Рассел Лэйон. “Ты совсем помешался”, – не раз сорвалось с языка всегда тактичного и сдержанного напарника. Он был родом из

Странглеи¹, а странглияцам, насколько знал Николас, было свойственно прятать эмоции. Рассел загибал маленькие породистые уши, а его невнятный голос звучал строже обычного: “О чем ты думал, Николас? Твое счастье, что машины не взорвались! Ты под чем-то или просто пьяный? Откуда ты вообще взялся?”

На последние два вопроса Николас мог бы дать адекватные ответы. Насколько помнилось, он не брал в рот ни капли, а взялся – из дома на Вишневой улице. “Наша пряничная усадьба” – так в шутку называла их скромное жилище Лейн. Она любила этот дом. К заднему двору примыкал клочок земли, где они вместе обустроили сад. Вид на улицу открывали широкие окна, при восходе солнца, стоило раздвинуть шторы, стены комнат окрашивались в ярко-оранжевые тона.

При теплом свете сегодняшнего утра Николас готовил завтрак, по привычке слушая фоном полицейское радио. Допить кофе он не успел. Сообщение с кодом погони заставило Николаса, едва не позабывшего сменить домашние шлепанцы на ботинки, прыгнуть за руль пикапа и устремиться на окраину Одары. Там, если верить диспетчеру, должен был

¹ Странглея – небольшая страна, расположенная на востоке от Викории. Местные жители говорят на том же языке, что и викорцы, но с типичным странглиевским акцентом – они сглатывают окончания у некоторых слов, отчего их речь кажется “мягкой”. Странглияцам свойственна холодность, сдержанность, а также верность традициям предков. По легенде именно странглияцы являются прямыми потомками первых депосов, пришедших в Тизалотопи вместе с Меристом.

появиться автомобиль преступника. Объезжая пробки, Николас вспомнил о том, что в его пикапе не предусмотрено сирены, что сам он уже два месяца как не на службе...

– Ты, словно чертов странглиевский туман, то исчезаешь, то появляешься, заполонив собой все вокруг. На месте Дженны я перестал бы прощать твою самодеятельность, – изрек Рассел завершающим аккордом, остановив машину на парковке полицейского участка. Они двинулись к зданию. Напарник семенил следом, так и не научившись принаравливаясь к широким шагам Николаса. Вороной депос слышал его бурчание:

– У тебя кровь на лице.

– Это всего лишь шишка.

Он ощупал ладонью свою прямую беспородную морду. Рассел был прав – следовало принять душ или на край окунуть голову под кран, прежде чем предстать перед Дженной. Но ни того, ни другого он не сделал. Забыл о своих планах, стоило ему переступить порог офиса. Все, кто нес обеденную смену и не принял участие в погоне, мигом повскакивали ему навстречу. Николас пожимал вереницы рук, протискиваясь сквозь толпу. Он ловил себя на мысли, что его сослуживцы пялятся на него, как на привидение. Его место у окна казалось нетронутым, наверняка, если бы он подошел поближе, то нашел бы в своей кружке древний след от кофе, который не успел допить еще в совсем другой жизни.

– С возвращением, Ник! Мы скучали по тебе, – прилетело

ему в спину от Ричи. Николас терпеть не мог этого патрульного, то его тронуло, с какой радостью тот встретил его.

Дженна, в отличие от подчиненных, не казалась впечатленной или соскучившейся. В кабинете начальницы четвертого участка, откинувшись в кресле, Старушка листала скоросшиватель с каким-то делом (орудовала пальцами с такой яростью, словно выдирала оттуда страницы). Кабинет шефа, и без того не блещущий простором, в ее присутствии всегда казался крошечным. Старушка была двухметрового роста, светло-серой, ничем не примечательной масти, с коротко сбритой под расческу гривой. На широких плечах сидела форма, подходящая крупному мужчине. За четыре года, что Николас проработал в полиции, он ни разу не видел в Дженне намеки на женственность, как никогда не встречался с ее благодарностью.

– Удачи, напарник, – шепнул ему Рассел, а сам, не поднимая глаз, поспешил удалиться в местечко побезопаснее.

– Кого я тут вижу, – изрекла Дженна. Без лишних приветствий она махнула толстой рукой в сторону стула.

– Я постою.

Николас не смотрел на нее, его взгляд гулял по фотографиям и газетным вырезкам на стене, собранным еще предыдущим руководством. Черно-белые и совсем свежие свидетельства доблести одарских полицейских, портреты и даты. Следы, оставленные теми, кто так же, как он, жили надеждой спасти этот город. Многие из них ушли на вечный по-

кой. Николас помнил, как с трепетом рассматривал фотографии еще новобранцем, бегал взглядом по лицам полицейских, избравших тот же путь, что предстоял и ему, пытался представить, как сложились их судьбы. А еще он надеялся когда-нибудь увидеть на стене и свою фотографию. Можно сказать, что эта мечта сбылась: статья о поимке наркоторговца Элиранда провисела на стене почета неделю, после чего Дженна ее сняла. Ходили слухи, что Старушке грозило увольнение (по сегодняшней стратегии “а догоним-ка гонщика на старых корытах” было понятно, почему). Николас с Расселом, бесспорно, утвердились в роли лучших полицейских в участке, им не раз удавалось обратить на себя внимание управления. Дженну такая перспектива совсем не радовала. Точно волк-вожак, которого, когда тот становится немощным и дряхлым, по законам стаи убивает молодой претендент на его место, Старушка делала все возможное, чтобы испортить Николасу жизнь: неисправные патрульные машины, дурацкие задания вроде вызова на дом к подросткам, закатившим вечеринку. Напарник – чопорный странглиец, как заметили бы многие в участке. Не говоря уже об интервью, которые Дженна раздавала желтой прессе, в красках рассказывая о его тщеславии. Николас был городским героем – она не могла так просто указать ему на дверь. Вороного депоса пытались переманить к себе другие участки, но Николас, в свою очередь, был не из тех, кто подарил бы Дженне такую легкую победу. Это противостояние длилось

уже несколько лет. Николас не знал, как долго им предстояло воевать. По слухам – год, а может, и того меньше. Пока те, кто заседает наверху, не снизойдут прийти с проверкой и указать королевне на дверь.

– А я, признаться, уже отвыкла от тебя, Патнер, – сказала Дженна с такой интонацией, словно имела в виду предмет интерьера. Она поудобнее расположилась в любимом кресле. Кресло издало привычный, мерзкий скрип. Николас подумал: первое, что он сделает, когда займет ее должность, так это избавится от этой развалины. Выкинет к чертям из кабинета, собственноручно устроит ей похороны на заднем дворе, чтобы больше никогда не слышать ее душераздирающих звуков.

Словно прочитав его мысли, Старушка принялась рассказывать. “Скрип-скрип”, – возьми она гвоздь и проведи им по стеклу, и то было бы мелодичнее.

– И все же – настоятельно советую тебе сесть, – продолжила Дженна, заметив, как он прижимает уши, – беседа будет не из коротких.

“Только замри”, – мысленно взмолился Николас и все-таки выполнил ее просьбу. Когда их глаза оказались на одном уровне, звуки ненадолго смолкли. Дженна оперлась локтем на стол, и теперь он, а не проклятое кресло, принимал ее вес.

– Вор в обезьяннике. Не знаю, есть ли тут что обсуждать, – первым заговорил он.

– Ты считаешь это нормальным, Патнер?

– Гнать машину всем вместе? Абсолютно нормальная стратегия. Только я бы лучше преследовал его на полицейских велосипедах...

– Да как ты смеешь! Ты...

Разговоры не были сильной стороной Дженны, но за то время, пока Николас ехал в участок, Старушка постаралась – приготовила целую речь. Она обозвала его неадекватным выскочкой, который ради славы готов на все. Сегодня, если верить словам очевидцев, он едва не погубил преступника. Полицию и так ругают на чем свет стоит, не хватает засветиться по телику как автоубийцы пегашей на трассе. Ко всему прочему, машины могли взорваться, на глухоманской обочине – оказаться пешеходы, он сам едва не погиб...

– Никакой ты не герой, а самоубийца, – подытожила Дженна, и, судя по огоньку, вспыхнувшему в маленьких глазах, эта мысль ей очень понравилась.

Тут, кажется, они подобрались к долгожданной части разговора. Дженна наигранно опустила глаза в пол, прижав к голове большие уши, сменила гнев на милость.

– И все равно, мне не стоило судить тебя... После всего, через что тебе пришлось пройти. Мои соболезнования, Ник. Кто, как не я, понимает, как тяжело терять близких.

Николас подавил вздох. Он уже смирился, что чаще приветствия его знакомые пытались изобразить незыблемую печаль на лице, предлагали помощь, которой он никогда не воспользуется, и в конце концов вываливали на него расска-

зы о личных утратах, волновавших вороного депоса так же мало, как и их – его собственная. В случае с Дженной это оказалась кошка, которая сдохла два года назад. И начальница попала в точно такую же ситуацию (как будто это можно было сравнивать). Впрочем, она поделилась историей вовсе не затем, чтобы его поддержать.

– Я была сама не своя, – говорила Дженна. – С трудом ходила на работу, постоянно думала о Милли. Единственное, что мне помогло в это время...

А вот и кульминация! Николас не ошибся: плавный переход от угнетенного состояния и сниженной работоспособности вылился в ее совет взять очередной отпуск. Плевать, что он не появлялся в участке несколько месяцев. “Бери еще, Ники, только не попадайся мне на глаза. Ты же знаешь, я не люблю, когда косятся на мой трон”, – читалось за этим.

– А еще лучше – съезди в санаторий, где будет легче пережить тяжкое время.

“Свихнись от запаха леса и разговоров вышедших на пенсию полицейских, осунувшихся и седых как лунь”. Но на работу она советует не выходить, пока Николас не придет в норму (не воскресит Лейн, надо полагать) и не будет отдавать себе отчет в своих действиях, ведь сегодня, когда он садился за руль, был явно неадекватным. Он не думал, что могли пострадать мирные жители, на трассе – оказаться пешеходы... Кажется, речь пошла по второму кругу.

Дженна говорила, долго расписывая, какой он напыщен-

ный дурак, а Николас ждал, когда же она закончит. Раньше так происходило всегда, словно по древнему обряду, надо было просто дать ей высказаться. И пусть в этот раз лекция затянулась, к ней добавились соболезнования и истории об умерших кошках. Захваченная эмоциями, Дженна встала и оказалась у него за спиной, Николас потерял с ней визуальный контакт. Проклятое кресло молчало, но теперь он бы многое отдал за его мерзкий “скрип-скрип”, выдергивающий его в реальность, обратно, а не туда, куда несли его мысли. Он думал... с некоторых пор всегда об одном.

“Как жаль, я не могла смотреть в эти глаза вечно”, – сказала ему Лейн в их последнее утро. Они лежали на кровати друг напротив друга, не верилось, что еще полчаса назад стояли на пороге, готовые разъехаться по работам. Ремень Николаса свисал с торшера по соседству с кофтой Лейн. Луч солнца, пробивающегося сквозь щель между шторами, делил комнату на две части, прочертив тонкую линию между обнаженными телами. Николас чувствовал под своей ладонью горячее бедро Лейн, дыхание пускало в пляс шерстинки на руке. Он потянулся к ней, чтобы поцеловать, как Лейн вдруг отстранилась, взгляд ее карих глаз забегал по его лицу, страстно и жадно, словно она пыталась запомнить каждую черту. А потом сказала слова, которые въелись ему в сердце, точно выжженные на древесной коре: “Жаль, я не могла смотреть в них вечно”.

Миллионы раз прокручивая этот момент в памяти уже

после ее смерти, Николас задавался вопросом – неужели она могла знать или каким-то образом предчувствовала, что жить ей оставалось лишь несколько часов? Почему сказала “не могла” вместо “не могу”? В то утро Лейн повторяла, что не хочет никуда уходить. Многое бы изменилось, если бы они провели тот день дома, наплевав на все казавшиеся важными дела? “Если бы” – вот самые ужасные слова из всех существующих. Они звучат упреком, притворяются, что способны что-то изменить, подсовывая картинки несбыточных реальностей.

Николас помнил, как Лейн провожала его на пороге, а пес Флайк крутился у ног. “Сержант Флайк торопит меня на работу”, – только смеялся Николас. Вороной депос поцеловал Лейн и сел за руль. Когда отъезжал, то еще раз посмотрел на нее, такую красивую, провожающую его взглядом, в ярко-оранжевом платье. Живую... Он помнил, как потом это платье оказалось у него в руках, испачканное пятнами крови.

Когда раздался звонок, Николас патрулировал северо-восточный район. Названия улиц, песни, играющие по радио, проносящиеся мимо машины, “6:14” вечера, застывшее на часах, даже цвет вечеряющего за окном неба – все эти детали четкими образами врезались в его память. Позвонили не Николасу – напарнику. Лицо Рассела побледнело. Когда соловый депос заговорил, его голос изменился, словно принадлежал незнакомцу. Только спустя несколько дней Николас вспомнил, что в тот момент, сообщая ему о смерти Лейн,

напарник плакал. Слезы крупными каплями катились по щекам Рассела, мешая ему говорить.

Убийцей был депос по имени Тад. В преступном мире он был известен под кличкой Обрубок. В детстве Тад заигрался в саду и угодил под газонокосилку, лишившись хвоста. Разумеется, такая утрата никак не мешала ему вести полноценную жизнь. Тад пошел по кривой дорожке. От отца Обрубок унаследовал сеть борделей, у полиции были сведения, что он поставлял девушек легкого поведения на вечеринки Тобиаса Элиранда.

До того как познакомиться с Лейн, Николас вышел на след Обрубка – давняя история, похороненная в одной из полицейских папок. Николас с Расселом накрыли притон Тада Обрубка. Завязалась перестрелка, в которой пали жертвами несколько проституток и брат Тада, тоже принимавший участие в семейном бизнесе. Сам Обрубок не мог похвастаться телосложением и ростом, но это сыграло ему на руку, позволив под шумок прошмыгнуть в окно. Рассел остался приглядывать за задержанными, в то время как Николас бросился в погоню. Вороной депос был на достаточном расстоянии, чтобы ранить Тада, а исходя из дальнейших событий – стрелять на поражение, но Николас намеревался взять его живым. Как обезумевшая гончая, он продолжал нестись за ним следом. Лабиринты узких улиц заявили о его провале. На очередном перекрестке Николас потерял Тада из виду. Слишком поздно он отыскал лестницу, ведущую на крышу здания. Прямо

над головой мелькнул силуэт. Николас наставил на него пистолет. И промахнулся.

“Мы с тобой еще поквитаемся, ублюдок!” – загоготал Обрубок вслед прогремевшему выстрелу, а потом растворился в ночи. Несколько часов вороной депос прочесывал крыши домов, но ему так и не удалось найти и следа. Тад залег на дно, Николас, смирившись, давно вычеркнул это дело из головы. Он и не подозревал, что Обрубок был из тех, кто выполняет свои обещания.

Официальная версия полиции: в дом, куда Николас с Лейн переехали два года назад, забрался грабитель. Буланой девушке не посчастливилось вернуться домой в тот самый момент, когда преступник выносил награбленные ценности. Наткнувшись на хозяйку, убийца нанес ей две колотые раны ножом. Смерть не пришла к жертве мгновенно. Лейн, истекая кровью, несколько минут умирала на полу кухни, где ее оставил убийца. Перевернув всю мебель в гостиной, он скрылся. Полицию вызвали соседи, заметившие разбитое окно и распахнутую дверь. Николас приехал, когда дом был весь оцеплен. Его самого не пустили даже к порогу, бесконечную ночь он провел в доме Мориса. Лейн Николас увидел на следующие сутки, обнаженную, лежащую на столе. Колотые раны выделялись на ее светлой шерсти. Николас взял ее за руку – та была холодной, как камень, словно он прикасался к реалистично сделанной кукле.

Не прошло и недели, как убийцу Лейн обнаружили. Им

оказался депос с половиной хвоста, старый знакомый – Тад Обрубок. Полицейские задержали его в общежитии у телевизора за просмотром вечерних новостей. Те, кто застал его в живых, говорили, что сутенера с трудом можно было узнать – он обессилел и осунулся, судя по всему, не покидал свою комнату даже для того, чтобы купить еды. На этот раз Тад не сопротивлялся и не предпринимал попыток к бегству, а когда его, закованного в наручники, проводили до полицейской машины, загоготал как сумасшедший. Тад вопил, что еще немного, и он окажется на одном небе вместе со своим братом, которого прикончил чертов “Полицейский Бог”. И хвала великому Обрубку, ведь он убил жену “Полицейского Бога” – неуязвимого и недосягаемого, он выпустил ей кишки и оставил на кухне дожидаться своего любовника.

“Жаль, я не успел засунуть ей в дырку. Чертова соседка услышала, как она верещит, но ничего – я найду его крошку и на небе, а там мы ее оттрахаем, я и мой брательник. Слышали, чертовы ищейки, передайте вашему Герою, что старина Обрубок шлет ему привет!” До участка безумного Тада так и не довезли. Один из полицейских выстрелил ему между глаз, а потом изрешетил пулями так, что тело Тада с трудом можно было опознать.

Николас мог только гадать, кто стал палачом, совершившим за него правосудие, пока Морис, нарушив еще одну неприкосновенную тайну участка, не отвел вороного депоса в подсобку. Николас помнил, как там на него давили сте-

ны, а еще – каким же старым показался пегий полицейский в тусклом свете единственного окна.

“Я хотел поговорить с тобой, это по поводу Обрубка”, – сказал он.

Николас поднял уши. Он подозревал, что именно Морис мог быть тем отчаянным мстителем, рискнувшим своей карьерой и даже, если бы Дженна не вникла в ситуацию, свободой ради него. За убийство при исполнении могло светить и пожизненное. Но все равно Николасу было удивительно слышать признание Мориса. Старик продолжил: “Ты знаешь, Ник, я терпеть его не могу – твоего напарника. Но после того, что он сделал... Когда мы брали Обрубка, я был уверен, что Расс слетел с катушек. Он давно лишил Тада жизни, но продолжал стрелять. Он нашпиговал всю патрульную машину пулями. И, черт бы его побрал, я еще никогда не видел Расса в такой ярости! При задержании нас было пятеро патрульных, мы еле его оттащили, а еще поклялись, что никто об этом не узнает. Но ты его напарник. Тебе я должен был рассказать”.

Николас никогда не говорил с Расселом об этом, но в душе был ему благодарен. Беспokoиться за судьбу напарника тоже не пришлось. Дженна не была настолько глупа, чтобы поверить версии патрульных, но встала на его сторону: преступников – живых и мертвых – в Одаре хватало с головой, то же самое нельзя было отнести к хорошим полицейским. Дело замяли, объявив Тада очередным прихвостнем Элиранда,

павшим при задержании. Общеизвестный факт – они никогда не попадались полиции живыми. Что касается Николаса, то ему вернули золотую цепочку, которую сняли с шеи покойного Тада. Вороной депос без труда узнал украшение – оно принадлежало Лейн. Николас подарил его своей возлюбленной на год совместной жизни.

Вот и вся история. Николас даже пальцем не повел, все решилось без его участия. Никаких тебе длительных поисков, разрушительной и не приносящей облегчения мести. А сам он погрузился в омут не то сна, не то бесконечной галлюцинации. Сегодня Николас словно очнулся благодаря сообщению о гонщике по радио и желанию действовать, вспыхнувшему в груди слабой искрой.

Воспоминания уносили его все дальше, четкие, как кадры из киноленты. Вот он трясет ее тело, наклоняясь к уху, шепчет: “Проснись, малыш”, уверенный, что она услышит. Он звал Лейн, гладил окостеневшее плечо, умолял, чтобы она поехала вместе с ним домой, что уже поздно, им лучше лечь спать. Завтра он никуда не пойдет и останется с ней на весь день, только бы она вернулась. Николас не отпускал ее, пока судмедэксперты его не оттащили. Он искал ей платье, перебирая аккуратно сложенные вещи в ее шкафчике. Сначала Николас хотел купить новое, но так и не решился. Лейн была разборчива в одежде. Он боялся, что подарок придется его девочке из высшего общества не по вкусу. Николас решил остановиться на старом, ее любимом. Он достал платье из

ящика и тогда вдруг вспомнил, что знал всегда – Лейн, а вернее, тому, что теперь стало ей, все равно, в чем ее похоронят. Он думал, что никогда не вынесет этого зрелища – вида ее тела в гробу, и себя рядом с ней, отчаянно пытавшегося разувериться в том, что происходящее – кошмарный сон.

Воспоминания уже таковыми не являлись, Николас снова присутствовал там, во плоти, вновь переживая все моменты по второму, по десятому кругу. Они держали его крепко, не желая отпускать, пронесли на безумной карусели от одного кадра к другому, чтобы на этот раз он не выдержал и сошел с ума. Ему захотелось закричать. И он кричал где-то там, в глубине своих мыслей, точно существо, падающее в бесконечную пропасть.

– Эй, ты меня слышишь? Что с тобой? – доносилось из другой реальности. – Патнер, я с тобой разговариваю!

Бездна, сотканная из самых черных, самых страшных дней его жизни, сменилась сначала на стену с пожелтевшими обоями и газетными вырезками о подвигах полицейских, а потом и на мощный силуэт Дженны. Старушка с удивлением пялилась на него. Николас словно увидел себя со стороны. Вспомнил, как полтора часа назад задержал вора-гонщика и что теперь вынужден слушать истории о каких-то кошках. Видимо, многое из речи Дженны он пропустил, поэтому не мог объяснить выражение на ее лице. Тут было что-то близкое к ужасу. Николасу потребовалось несколько секунд, чтобы понять, в чем дело – его щеки были мокрыми от слез. Вот

так он сидел и рыдал на глазах начальницы, которая всегда ждала случая, чтобы он провалился.

Дженна потянулась за салфетками, отвлекшись от картины, которая все же оставила ликующий отпечаток у нее на лице. Николас решил подарить ей еще одну, последнюю радость.

– Я ухожу из полиции, – сказал он, поднявшись со стула.

– Что?

О стол ударился полицейский жетон.

– Прошу, избавь меня от бумажной волокиты. Ты ведь мастерски научилась подделывать мою подпись.

Николас оставил ее без объяснений, которых, в общем-то, не требовалось. Слишком рано он ушел из дому, понадеявшись, что минувшее время было к нему милосердно.

Николас не слышал, что Старушка говорила ему, покинул кабинет, только кресло королевы победной насмешкой скрипнуло вслед: *“Ты больше сюда никогда не вернешься”*. Николас уверенно шел по коридору, словно ничего не случилось, стараясь абстрагироваться от взглядов, сделать вид, что он действительно стал призраком. Рассел Лэйон, теперь бывший напарник, хвостом увязался следом. Соловый депос предложил подвезти его до дома. Николас согласился, чтобы не тратить в участке лишние минуты в ожидании такси. Многие из тех, кто остались обсуждать случившееся, позавидовали Расселу. Ему предоставлялась возможность понаблюдать за небывалым зрелищем дольше остальных.

Глава 3

Две недели прошло с тех пор, как Николас ушел из полиции. Его одиночество никто не тревожил. Должно быть, в участке давно смирились с пустующим местом и безуспешными попытками отыскать вороного депоса. То внезапное появление мелькнуло вспышкой падающей звезды. Он был? Нет, он померещился. Или, может, какой-то жалкий, до ужаса похожий на него парень ронял слезы в кабинете Дженны. Николас и сам с трудом верил, что все произошло именно с ним. На всякий случай он вставил шнур от телефона в розетку, а впоследствии корил себя за наивность – телефон хранил молчание.

Большую часть дня вороной депос проводил в гостиной, под неумолкающий фон телевизора листал папки со старыми делами. Если позволяла погода, то коротал время на крыльце, в саду, с кружкой кофе или банкой пива, в зависимости от времени суток. Он любил наблюдать, как среди кустарников весело носится вторая живая душа в этом доме – бурый пес Флайк. Пес ловко уклонялся от кустов и веток, прекрасно приспособившись определять преграды единственным глазом. Когда питомец Николаса был щенком, его сбила машина. Флайка спасло чудо, но даже оно не избавило пса от последствий: кусок плоти на правой стороне пасти отсутствовал, оголяя челюсть. Пустая глазница заросла шерстью, при-

дав морде зловещий прищур. Соседские детишки считали Флайка страшным монстром, а на преступников (как и на Рассела) пес наводил холодящий ужас. Только Николас знал, что нет на свете добродушнее создания. За спиной остались долгие четырнадцать лет, проведенные рядом, и вместо увечий вороной депос замечал лишь виляющий хвост да неиссякаемую любовь. В те тяжелые дни только беспечность радующегося прогулке Флайка внушала Николасу умиротворение. Для животных время не делится на полосы, все, что у них есть – это настоящее. А Николас жил прошлым. Он кутался в свои воспоминания, как в старый плед, только они приносили ему тепло.

Их с Лейн спальню Николас оставил нетронутой, как после последнего утра вместе, только так он мог сохранить иллюзию ее присутствия, тлеющую с каждым новым днем. Сам он спал на диване на кухне, где с трудом мог вытянуть ноги, но переступить порог спальни так и не решался. И только иногда обнаруживал себя там, замершим напротив старенького пианино – любимой вещи Лейн в этом доме. Всякий раз, когда ее тонкие пальцы касались клавиш, комнаты наполняла чарующая музыка. Сам Николас играть не умел. Научить его нотной грамоте было то же самое, что Флайка командам – первое время он помнил, а потом напрочь забывал. Одна мелодия сохранилась в его памяти. Николас играл ее одним пальцем, ударяя по тишине дома. И тогда отчетливо слышал, как партия Лейн звучит вместе с ним.

У них была мечта о переезде в южные штаты, туда, где бы круглый год светило солнце, а Николаса не узнавали на улицах. От мечты остался счет в банке. Этих накоплений воровному депосу вполне могло хватить на год, а если и дальше питаться бутербродами и замороженными обедами из коробок в стиле жизни отъявленного домоседа – то и вовсе на несколько лет. Но в четырех стенах он скорее свихнется от скуки. Поддавшись порыву, Николас выискивал в газетах вакансии частных детективов и охранных агентств, но все равно не мог представить себя в иной роли. Мысль вернуться в полицию (если Дженна не согласится принять его обратно, он запросто перешел бы в другой участок) до сих пор казалась абсурдом. Больше своей беспомощности Николас боялся: в каждом убийстве, с которым ему предстоит столкнуться, он будет находить частицу своей реальности, в глазах депосов, потерявших близких – собственное отражение; принимать вызов к действию, нажав педаль до упора, задаваться вопросом: хватит ли у него сил на этот раз? Искать подвалы, где оборвется его жизнь, ведь ангела, который мог бы его спасти, он потерял навсегда.

Николас сидел в плетеном кресле в саду, просматривая очередное забытое дело, когда тишину дома нарушила трель звонка. У входной двери замер Флайк. Пес не лаял, а тряс хвостом, точно взбесившимся маятником. Перебрав в голове краткий список всех знакомых, Николас решил, что это Ноя, давнишняя подруга Лейн, приехала почтить ему лек-

ции на тему борьбы с депрессивными состояниями и “в-твоем-холодильнике-уже-некому-вешаться”, но, увидев в дверном глазке соловое пятно, был удивлен еще больше – на пороге мялся его бывший напарник.

Стоило Николасу открыть дверь, как Флайк пулей выскочил наружу, едва не сбив Рассела с ног.

– Флайк? Совсем не стоит... Я того же мнения. Николас! Вижу, вы оба рады меня видеть, – бормотал напарник, но больше это напоминало мольбы о помощи. Рассел прижимал породистые уши к голове. Несмотря на то, что сегодня на нем была форма одарского полицейского, Николас подумал, насколько сильно Рассел не вписывается в окружающий пейзаж плотно стоящих друг к другу построек северо-восточного района, но главное – крыльца его скромного дома.

Напарник носил аристократическое имя, являлся редким представителем странглиевской элиты. Его домашний адрес значился в зажиточном пригороде Одары, где вместо деревянных хибарок под копирку высились многоэтажные дворцы. С такими деньгами и связями любой без труда нашел бы себе место в жизни. Не одному Николасу казалось комично-странным, что из всех великолепных возможностей Рассел Элистер Лэйон выбрал бессонные ночи в патрульной машине, отвратный кофе из автомата да окружение депосов, не умеющих рассуждать о причудах искусства и книгах. И пусть за годы службы тонкие пальцы Рассела огрубели, он

располнел и научился вставлять брань между слов, в этом депосе всегда присутствовало нечто выделяющее его среди толпы одарских полицейских, скользящее в его внешности и поведении, что ни время, ни старания Рассела так и не смогли стереть. Отчужденность не мешала Расселу быть отличным напарником, на самодеятельность Николаса он смотрел сквозь пальцы. Какими бы разными они ни были, одно их точно объединяло – искренняя вера в то, что на плечах их тандема держится благополучие города. Пускай за мириады рабочих дней в одной патрульной машине им так и не удалось стать друзьями. Сегодняшнее появление Рассела оставалось для Николаса такой же загадкой, как и почему тот стал полицейским. Впрочем, на первый вопрос тут же нашелся ответ: из-за ворот выглядывала медная крыша знакомого пикапа.

– У меня есть для тебя две хорошие новости. Одну, как я вижу, ты уже заметил. Сам не налюбуюсь: как новенький – бампер выпрямили, подкрасили: ни следа, ни царапинки, – бормотал напарник, передавая Николасу ключи. Вороной депос был уверен, что Рассел перебросится с ним парой слов и отправится восвояси. Наверняка его уже ожидало такси, готовое увезти через мост – в благополучный пригород. На всякий случай вороной депос отошел с порога. У крыльца закрипели ступени, Рассел последовал за Николасом, крепко сжимая в ладони ручку кожаного портфеля.

– Здесь мало что поменялось, – бросил вороной депос,

когда они оказались в доме. Коридор отсутствовал, входная дверь вела в закуток кухни, где у стены так и стоял бирюзовый диван. Его давно пора было заменить, обивка вылиняла, из дыр торчали поролоновые внутренности – слишком упорно Флайк точил о него зубы. Хотелось верить, что диван был в лучшем состоянии, когда, полгода назад, Рассел скоротал на нем свою первую и единственную ночь. Полицейские разгоняли толпу бастующих студентов на площади. Николас потерял напарника из виду, а нашел в окружении пяти пегих парней. Они разбили о голову Рассела бутылку. Напарник валялся на земле, по всем признакам не ощущая ударов. Когда рядом появился Николас, нападавшие тут же бросились в стороны, но вороному депосу было наплевать. Николас думал только о том, что могло произойти, если бы он опоздал. В связи с забастовкой все выезды из города оцепили. Побитый и подавленный, Рассел переночевал в их с Лейн доме. Николас не любил вспоминать о том дне. Ему удалось убедить себя, что в произошедшем нет его вины, но картинки прошлого все равно преследовали его, стоило только взглянуть на лицо Рассела. Время давно стерло любые синяки и ссадины, Николас все равно воскрешал беспомощность, появившуюся тогда в глазах напарника. И она была хуже любых шрамов.

Сегодня, переступив порог этого дома, Рассел выглядел куда счастливее. Он тут же опустился в кресло в гостиной. Его пальцы теребили застежку кожаного портфеля, который

напарник (Николас догадывался, зачем) захватил с собой. Все попытки всучить деньги за ремонт пикапа не увенчались успехом.

– Даже и не думай, – отпирался Рассел. – Я тут ни при чем. Расходы покроет участок, чтобы Дженна не осталась в долгу. Все-таки это благодаря тебе мы задержали того гонщика. Старушку можно было раскрутить на новую машину, но сам понимаешь: за руль ты бы сел только к декабрю.

– Я все равно ни на что бы его не променял, – Нико-лас кивнул в сторону окна, где из-за ворот виднелась крыша пикапа. Не требовалось четыре года работать в четвертом участке, чтобы усвоить – подарки начальства ни к чему хорошему не приводят. Расплата за них все равно последует, правда, в несколько иной форме.

– Чай? Кажется, кофе еще остался.

– На твое усмотрение, – соловый депос с сомнением задержал взгляд на темном экране телевизора. – Лучше ответь, есть ли у тебя магнитофон?

– А я-то думал, ты пришел просто поинтересоваться, как у меня идут дела... Кассетами в шкафу я подпираю мебель, детектив.

Николас не ошибся. Пальцы Рассела тут же потянулись к застежке чемодана. Его руки едва заметно тряслись, когда он протягивал Николасу видеокассету. Ни надписи, ни боковой наклейки на ней не было. Рассел попытался выдавить из себя торжественность:

– Та-дам! Твое новое задание. То, что ты сделал, было в порыве, мы все в участке это понимаем, тебе не стоило уходить. Старушка, может, и не скажет этого вслух – но жаждет вернуть тебя обратно. Как и я... – последнюю фразу добавил он тихо, словно говорил о чем-то пошлом. “Мне не все равно, что ты гордо тухнешь в четырех стенах, приятель”, – читалось в его светлых глазах, которые, несмотря на всю скрытность, кажется, отражали истинные чувства. И Николаса это тронуло. Он внушил себе, что только поэтому не указал Расселу на дверь, предварительно запихнув чек за починку пикапа в его чертов портфель, чтобы Дженне неповадно было покупать Ника Патнера таким дешевым способом. Он забрал у Рассела кассету и вставил в магнитофон.

По экрану пролились волны ряби, из которой, как за занавесом, выплывали очертания: стол, серые стены, удавы труб, змеящиеся под потолком... *Полумрак и сырость, которую не передать на пленке, только представить. Металлические кольца на запястьях, так туго, вгрызаются в плоть. Откуда-то капает вода, невозможно определить источник звука, когда тебе завязали глаза.*

Рассел ничего не заметил, а Николас вернул взгляд на экран, где происходило нечто отвратительное, творящееся где угодно, но только не сейчас и не с ним. С картинки исчезла рябь, открывая новые детали – депоса, наручниками прикованного к стулу. Высокий, но очень худой, он был рыжей масти, одет в кислотно-зеленую робу заключенного окруж-

ной тюрьмы. На темном фоне выделялись белки его глаз и сохранившиеся зубы. Кровь капала с его подбородка, образовав лужу на бетонном полу. Кровью пропиталась лохматая шея заключенного. Поджарое тело кренилось в сторону, казалось, если бы не оковы, он давно бы рухнул на пол. Его обступили тени – твари, которые издевались над ним. Но на этот раз на них была полицейская форма.

– Это еще что за чертовщина?

Рассел не торопился отвечать, он подобрал пульт и поставил видеозапись на паузу, увеличив лицо заключенного на экране.

– Не узнаешь рыжего джентльмена?

– Я вижу только полицейский произвол.

– Следственный комитет, – пожал плечами Рассел, словно речь шла о самой очевидной вещи на свете. Это многое объясняло, недаром следственный комитет в участках величали “мясобойней”. Николас считал, что отморозков оттуда мало было уволить, но и затаскать по судам за все то, что они вытворяли со своими задержанными. Высокая раскрываемость преступлений, а также дефицит кадров волшебным образом отводили от них внимание прессы и союзов. “До поры до времени”, – был уверен Николас, а пока этому рыжему парню, что бы он там ни натворил, придется страдать.

Николас попросил Рассела убрать паузу, а вместе с ней и окровавленное лицо с экрана. Кино получило продолжение. Допросную комнату наполняли незнакомые тени. Достиже-

нием вороного депоса стало то, что он узнал следователя по сгорбленной спине. Его звали Эрл, и к имени по известным причинам прибавляли кличку “Бревно”. Эрл сам имел вид отморозка, а на допросах вел себя не лучше агрессивно-го психопата, заставляя даже невиновных сознаваться в преступлениях.

Николас убавил звук. Воротило от одних воплей: “Я оторву тебе яйца, размажу по эмалированной тарелке и засуну обратно в задницу!” – вопил Эрл. “Повторяю для тебя еще раз: как твое настоящее имя? Иначе я сейчас сам его придумаю. “Калека На Всю Жизнь” тебя устроит?”

Заклученный молчал. Только его хвост размеренно покачивался из стороны в сторону, являясь единственным признаком, что тот находился в сознании.

– Без понятия, кто этот рыжий тип. Может, если бы его так не изувечили, у меня был бы жалкий шанс его узнать.

Рассел ждал другого ответа.

– Николас, Николас, – назидательно покачал головой он. – Это в твоей манере: взваливать на себя львиную долю работы и совсем не заботиться о мелочах, маленьких детальках, из которых и получаются большие неприятности в виде Тобиаса Элиранда.

– Мы же избавились от этого ублюдка.

– Ты избавился, – сказал Рассел. – Но как все-таки жаль, что тебе не удалось сделать это до конца.

Николас прекрасно помнил день, когда Тобиас Элиранд

– известная фигура в мире наркобизнеса, был наконец обезврежен. Полицейские Одары целой армией штурмовали коттедж, где наркобарон отмечал сорок девятый день рождения. Депосы, собравшиеся поздравить своего покровителя, отнормились к темным слоям преступного мира: наркоторговцы, наемные убийцы, телохранители. На празднике присутствовала и семья Элиранда: его жена и дети, в их числе – альбинос Оскар, единственный сын, безоговорочный наследник. Полиция ворвалась внезапно. Многие собравшиеся, как и сам Элиранд, пали под градом пуль. Только избранным удалось уйти через потайной ход еще до начала осады. В их числе был сын Тобиаса.

– Мэр Одары лично наградил тебя за исход этого дела, – добавил Рассел.

Николас отмахнулся:

– Я только выследил мерзавца, а сейчас думаю, был ли в том смысл? При штурме погибли семеро наших ребят. Я молчу о тяжелораненых. А ради чего? Ради трупа Элиранда, которым, словно медалью, Дженна похвалялась перед прессой? И все эти фотографии обывателей с его телом... Как будто он не мертвый старик, а причина всего зла на земле. Теперь место занял его сын. Прогуляйся по южным районам – там до сих пор торгуют той же дурью. Что мы изменили?

– Если бы нам поймать альбиноса... Никогда полиция не подбиралась к нему так близко. Этот рыжий тип знает, где скрывается Оскар, – произнес Рассел с наигранной алчно-

стью в голосе, указав на экран.

– Что ж, я рад за вас, а следственному комитету удачи. Мне же нет до этого никакого дела.

Николас поднялся с дивана и ушел на кухню. Там давно вскипел чайник, осталось разлить напиток по чашкам, а заодно и собраться с мыслями. Его приводило в бешенство, насколько нагло играли на его чувствах. Дженна прекрасно знала, чем его зацепить: он ведь не сможет спать спокойно, пока альбинос – новый босс наркомафии – гуляет на свободе. Нужно только почаще напоминать ему об этом, словно то, что сын Элиранда ушел от осады невредимым – личный просчет Николаса. Что еще у Рассела было в запасе? Фотографии подростков, умерших от передозировки, маленькие детки, крупными глазами глядящие в объектив камеры под статьей об изнасиловании несовершеннолетних... Готовые в который уж раз разорвать ему сердце и вернуть в участок точно марионетку, потянув за нужные веревочки. Успокоившись, Николас возвратился в гостиную с двумя чашками, поставил перед напарником пакет с печеньем, словно они были депосами, просто собравшимися посмотреть телевизор.

– Прости, не могу предложить тебе чего-нибудь получше, – выдавил из себя Николас. – Все забываю купить продукты.

– Вполне хватит этих бисквитов.

“Этого печенья, Расс”, – мысленно поправил Николас, но улыбнулся. Напарник принялся за еще более дикую вещь –

макать “бисквиты” в чай, чтобы потом глотать напиток вместе с крошками.

– Он мог быть в числе близких знакомых альбиноса, – кивнул Рассел в сторону телевизора.

“Ага, еще скажи, что рыжий опрокидывает с ним стаканчик по выходным”, – подумал Николас, усмехнувшись. Отдать Дженне должное, она хорошо натаскала Рассела. Соловый депос решил, что все идет по плану, и улыбка на лице напарника – гарантия успеха.

Рассел невозмутимо продолжил:

– Этот рыжий тип может создавать впечатление невинного, сумасшедшего, несчастной жертвы, но он знает, где искать Оскара, а следовательно, представляет для полиции ценность. Я потому и спросил, помнишь ли ты его, Николас. После штурма коттеджа из выживших нам досталась лишь мелкая прислуга Элиранда – повара, консьерж, проститутки – куда же без них. Рыба покрупнее если и не погибла в той перестрелке, то скрылась вслед за альбиносом. До сих пор ведутся споры, кто именно пустил наркобарону в сердце решающую пулю. Многие запомнили его уже мертвым, в нелепой позе на полу. А возле бездыханного Тобиаса на коленях сидел огненно-рыжий депос. Тот самый пленник. В кобуре у него было заряженное оружие. Он так и не пустил его в ход. Рыжий депос опомнился, лишь когда на него стали надевать наручники. Он защищался, протягивал к своему мертвому боссу руки. Он был его телохранителем. Телохра-

нителем Элиранда, оставшимся в живых!

– Хм, я что-то слышал об этой истории. Но с трудом верится – слишком легко тот сдался. Насколько мне известно из печального опыта, прихвостни Тобиаса бьются до последнего, действуют словно зомбированные. Они не боятся смерти.

– В точку. Полиции еще никогда не удавалось взять подручного Элиранда живым, – закончил мысли вороного депоса напарник. – Просто подумай, какой ценной информацией обладает этот парень! Его нужно только расколоть. После штурма коттеджа рыжего депоса задержал следственный комитет. Пленник вел себя неадекватно. Хотя был не настолько отсталым, чтобы не понимать депосскую речь. Комитет навел о нем справки. Выяснилось, что зовут рыжего Ероман, по некоторым сведениям, он действительно работал на мафию, входил в число приближенных к семье Элиранда. К сожалению, у данной информации нет никаких подтверждений. На допросах Ероман не сказал ни слова, а потом вытворил кое-что, из-за чего эти идиоты махнули на него рукой и сдали в психиатрическую клинику. Это то же самое, что подарить парню свободу!

Клиника, в которой оказался Ероман, раздула скандал, обвиняя полицию в жестокости. На его защиту тут же встали общественные организации. Им плевать, что тот приближенный Элиранда. Будь он хоть сам босс наркомафии, для этих сердобольных выскочек Ероман не кто иной, как оче-

редная жертва, едва не погибшая по вине распоясавшихся сволочей в форме. Теперь любая информация, касающаяся его состояния, для нас под запретом. У полиции нет доказательств, чтобы и дальше держать парня под следствием. Вот, впрочем, и вся история о том, как мы лишились важнейшего свидетеля, попавшего к нам, наверное, впервые за всю историю существования империи Элиранда. И вполне возможно, что вскоре рыжий окажется на свободе, а значит, примкнет к альбиносу. – Рассел отпил чаю, смахнул с губ крошки от печенья. – Если бы Дженне раньше удалось прибрать к нашим рукам Еромана, – важно пробубнил он. – Теперь слишком поздно. Она так долго добивалась, чтобы заполучить сведения с допросов. Психиатрическая клиника, куда поместили Еромана, находится на северной окраине штата. Я смотрел буклеты. Место там – все равно что санаторий. Территория окружена лесом, само здание со всеми удобствами...

– И когда я туда отправляюсь? – перебил Николас.

Напарник бросил на него удивленный взгляд. Вороной депос продолжил:

– Я-то все думал, чего это Старушка в последнее время слишком часто твердила мне, что я слетел с катушек. Выходит, она вовсе не шутила.

– Тот парень не псих, он притворяется. У нас появился шанс это доказать. Нам нужен тот, кто проследил бы за ним, а еще лучше – втерся к Ероману в доверие. Вполне возможно, что с таким же пациентом, как и он сам, тот не будет при-

кидываться немым.

Николас выдавил смешок:

– Да, Дженни превзошла сама себя! Неужели она настолько меня ненавидит? Засунуть в дурку? Это еще лучше, чем послать на ферму следить за школьником, воруящим навоз. Такого я точно не ожидал. Гениально! Просто браво!

– Ты все не так понял. Я сам хотел взять это дело.

Николас не сомневался, что напарник лжет.

– Но Дженна дает его тебе, потому что ты всегда был лучшим из нас, – Рассел замолчал. На этом, кажется, программа спектакля была исчерпана. Завтра за свой провал напарнику суждено испытать гнев начальства. А может, Рассел был разочарован в себе, до того пребывая в полной уверенности – его актерского дара хватит, чтобы отправить Николаса лечиться.

– Рассел, ты же сам понимаешь: Дженна хочет меня достать. Ей, видимо, нейдет, что я слишком легко от нее отделался.

Николас забрал у Рассела кружку и залпом выпил все содержимое. Потом демонстративно проделал то же самое со своим.

– Что ты творишь?

– Пытаюсь покончить с собой. Я где-то слышал, что если выпить очень много воды, то можно помереть. Впрочем, что я оправдываюсь? Я ведь гребаный псих, мне больше незачем жить!

– Прекрати, здесь нет ничего личного!

Николас продолжил, не скрывая злобы в голосе:

– Сделай мне одолжение, посоветуй Дженне, если в следующий раз она задастся целью меня подлечить, пусть пришлет карету с санитарями на дом. Одного чопорного странглияца с талантом убеждать явно недостаточно для того, чтобы затащить меня в желтые стены, с которых психи лижут краску...

“А не пойти ли тебе...” – кричали глаза напарника. Но он, как всегда, был сдержан:

– Это возмутительно. Ты ведешь себя как ребенок, Нико-лас.

Слова Рассела разлетелись по гостиной, точно эхо того прошлого, когда вороной депос был новобранцем, а Рассел – его наставником. (С какого момента Николас потерял уважение к нему? После того, как нашел его на асфальте избитым бандой пегашей? Или это произошло гораздо раньше, из-за интуиции, которая часто спорила с мнением Рассела, в итоге оказывалась права. Сейчас она неустанно твердила, что это дело ни к чему хорошему не приведет.)

– Подумай, – усмирив свою гордость, сказал Рассел, стоя на пороге. У подъездной дорожки его ожидало такси. – Если ты не согласишься, Дженна найдет кого-нибудь другого.

– Такого же психа будет сложно отыскать.

– Счастливо, Николас.

Вороной депос не испытал облегчения, когда закрыл за

Расселом дверь. Неприятный осадок после этого разговора остался в доме и теперь гулял по комнатам вместе с призраком Лейн. От присутствия этих двоих Николасу стало не по себе. Невзирая на дождь, он взял Флайка на прогулку. Вороной депос шел в темноте, по знакомым тропинкам, мимо домов, где яркими огнями горел свет. Пес обнюхивал кусты, с радостным лаем разрывал землю, пытаясь отыскать норы землероек. Николас мог только позавидовать его легкомыслию. Теперь, оставшись в одиночестве (в незанавешенном окне соседского дома семья садилась ужинать за стол. Мимо Николаса прошла пара. В обнимку, скрываясь под единственным зонтиком, влюбленные прогуливались под дождем – будут ли у него еще когда-нибудь такие моменты в жизни?), он оказался в мире, который делил только со своей собакой, и теперь понял, почему являлся лучшим кандидатом на предложенную Дженной роль. В пустом доме, с вещами Лейн и сотней воспоминаний, он мог бы запросто сойти с ума. Своим психическим состоянием Николас ни у кого бы не вызвал подозрений. Дженна пользовалась его горем на благо полиции. Но вороной депос ее не винил. Ему стоило вытурить Рассела раньше, прежде чем напарник посвятил бы его в подробности дела. Теперь оно не выходило у Николаса из головы. “Подручные Элиранда попадаются нам только мертвыми... Откуда этот псих взялся?”

Рассел забыл видеокассету. Она так и осталась в магнитофоне. Николас думал об этом, когда на пороге протирал псу

лапы тряпкой, отмывал следы дождя в прихожей, разогревал в микроволновке замороженный ужин. Он пообещал себе, что позвонит Расселу завтра и пошлет кассету ему по почте. У телевизора вороной депос оказался только глухой ночью, да и то – чтобы посмотреть какое-нибудь тупое шоу, перед тем как завалиться спать. Пальцы тут же нажали на кнопку, вернув очертание допросной комнаты на экран. Следователь Эрл-Бревно наматывал возле заключенного круги, задавая однообразные вопросы. Даже уши Еромана, самая подвижная часть тела депоса, словно окаменели, свидетельствуя о том, что их владелец отыскивал убежище далеко в своих мыслях. Николас ожидал, что Эрл начнет распускать руки, уж больно красочно Рассел рассказывал об обычаях комитета избивать заключенных. Но ударов так и не последовало, Эрл несколько раз только замахнулся. Несмотря на всю агрессивную отвагу, следователь старался держаться в стороне, словно между ним и заключенным образовалось невидимое стекло. Эрл боялся его, – вдруг понял Николас.

Вопросы пошли по второму кругу. На одиннадцатой минуте вороной депос заметил, как заключенный пошевелился. Его уши еще плотнее прижались к голове, а хвост начал гулять из стороны в сторону, точно у взбешенного кота. Глаза исподлобья устремились напрямиком на следователя. Ни Эрл, ни рядовой, едва не заснувший за диктофоном, ничего не успели сделать. Поймав момент, когда Эрл приблизился к нему, заключенный вскочил со стула. В долю секунды

рыжий депос вцепился следователю зубами в горло. Эрл пытался кричать. Он повалился под весом Еромана на стол, захрипел и задергался, точно жертва, настигнутая хищником. Это продолжалось до тех пор, пока рядовой, опомнившись, не ударил Еромана настольной лампой по спине – первым, что попало под руку. Ероман разжал пасть, обернулся к рядовому и зашипел, издавая звуки, которые для Николаса сливались в слова:

– *Р-рщера ш-ш-штерфа ар-р-рчака!* – закричал рыжий заключенный и зажал голову руками. В помещение вбежали несколько полицейских. Они повалили Еромана на пол. Не стесняясь камер, наградили его пинками и решающим ударом – рукоятью пистолета по голове, после которого заключенный обмяк, растянувшись на полу.

Полицейские обступили Эрла. Следователь опирался о стол, ощупывал ладонями горло, по его пальцам текла кровь. Поддерживая с обеих сторон, Эрла увели из допросной, двое полицейских выволокли тело обвиняемого, переговариваясь между собой, что давно пора сдать этого психа в дурдом, пока он кого-нибудь не убил.

Следственная комната опустела, статичной картиной продержалась на экране полминуты, а потом ее сменила черно-белая рябь.

Николас пересмотрел видеозапись три раза, концентрируя внимание на моменте нападения и словах, произнесен-

ных Ероманом. Вороной депос прибавил звук насколько это было возможно на стареньком телевизоре, чтобы окончательно убедиться – ему не показалось. А потом, дрожащими руками, набрал номер телефона Рассела Лэйона. К счастью, напарник проводил эту ночь дома.

– Слушаю, – сонным голосом отозвался он.

– Рассел, это Ник. Прости, что разбудил.

– Что-то случилось?

– Нет... Вернее, да. Я хотел извиниться за то, что наговорил тебе сегодня.

Пауза, а потом:

– Все нормально, Николас.

– И еще, ты не мог бы передать Дженне, скажи: я согласен взять это дело.

Последние признаки сна исчезли из голоса Рассела. Николасу показалось, что не у него одного сейчас бешено колотится сердце.

– Ты уверен? – чуть ли не закричал напарник в трубку.

– Не сомневайся, – ответил Николас, поглядывая на экран телевизора, где время на видеозаписи остановилось.

Глава 4

Порой, чтобы перестать блуждать в темноте, достаточно

решиться на единственный шаг... из дома, напрямиком в неизвестность, где только кажется, что никто не ждет.

Николас сидел на скамейке в парке, в тени дряхлой сосны, умиротворенный, но в то же время полный решимости действовать. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветки, теплыми прикосновениями гуляли по лицу. Давно он не чувствовал такого спокойствия. Николас знал, что скорбь и воспоминания не могли оставить его так легко, но вдали от пустых комнат словно поблекли, сегодня на них набросили полупрозрачную вуаль. Все мысли занимало новое дело, игра, которая принадлежала ему одному, а если быть честным с собой – существо, похожее на депоса только оболочкой. В тот момент Николасу казалось, что не могло случиться иначе.

Он встрепенулся. На противоположный край скамейки опустился незнакомец, деревянные прутья под ним жалобно скрипнули. Двухметровый громила больше походил на заключенного тюрьмы, нежели пациента психиатрической клиники. На его толстой шее болталась тяжелая цепь, уши тянули вниз золотые серьги. Громила положил руку на колено, и Николас заметил рисунок синего дракона, выглядывающий из-под голубой пижамы. Вдобавок ко всему депос был пегой масти – белые на сером фоне пятна разделяли его массивную, больше напоминающую бычью голову на две части. Парень был не намного старше Николаса. Но возраст пегашей с трудом поддавался определению. Здоровяк выждал

секунды две, разглядывая вороного депоса в упор. После чего пробасил:

– Ты тот, новенький?

Николас кивнул, осознав, что забыл его имя. Сегодня за завтраком оно вертелось на языке, словно мелодия заевшей песни: Лерой или Лестер. Что-то на “Л”. “Может, я ошибся, и это вообще не он”, – подумал Николас с жалкой надеждой. Никто не предупреждал, что этот тип будет пегим, а тем более таким здоровым.

– Лисер, – представился пегаш. Он поочередно загнул назад оба уха, когда Николас протянул ему ладонь.

– Я не прикасаюсь к алкашам, тут это считается дурной приметой, – бросил Лисер, не скрывая отвращения на лице, словно от Николаса несло перегаром. – Как по мне, так самая низшая каста “свихнувшихся”, после нариков, конечно. У этих даже ничего не замкнуло в мозгах, чтобы называть себя психами. Как считаешь, какого черта вы все тут забыли, ребята? Шли бы и дальше, обратно, к веселой жизни. Это место не для тех, кто наслаждается своим безумием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.